

**Гавриил
Фомич
КАЗАНЦЕВ**
городской голова
1850—1853
1856—1860 гг.

Второй из восемнадцати детей купца Фомы Федотовича Казанцева и его жены Евдокии Петровны, урожденной Рязановой, родился 4 июня 1806 г. Большинство сестер и братьев скончалась во младенчестве.

Будущий городской голова появился на свет в сохранившемся до настоящего времени доме (ныне ул. Декабристов, 38, у пересечения ее с ул. Чапаева). Дом был куплен недостроенным в 1803 г. его бабушкой Марией Герасимовной Казанцевой, происходившей из невянской старообрядческой торгово-промысловой семьи Богомоловых. В конце 1830-х гг. дом Гавриилы Фомича был перестроен в трехэтажный. Тогда же по проекту архитектора М. П. Малахова возведены ограда и соседний двухэтажный особняк в стиле классицизма (ул. Декабристов, 36), принадлежавший брату Казанцева Никите.

Их отец, записывавшийся в купечество по 3-й, а чаще 2-й гильдии, торговал железом, маслом, салом, винами, сальными свечами. Ему принадлежал первый в городе свечной завод, основанный совместно с братом Ефимом в 1809 г. Предприятие это, перешедшее после смерти в 1832 г. отца к Гавриле Фомичу, было небольшим: несколько человек рабочих и один или два мастера.

В 1849 г. Г. Ф. Казанцев приобрел мукомольную мельницу между деревнями Вьюхино и Фоминой на Исети. В компаньоны по ее эксплуатации и сбыту продукции он пригласил своего дядю Владимира Кирилловича и купца А. М. Плеханова.

С молодости Г. Ф. Казанцев вместе с Я. М. Рязановым, которому приходился внучатым племянником, принимал участие в поисках и разработке золотых россыпей в Сибири, а затем с другими Рязановыми продолжил это дело на Южном Урале. Гаврила Фомич имел паи в доброй половине всех золотопромышленных компаний, созданных екатеринбуржцами.

Отец Гаврилы Фомича многие годы был старшиной Екатеринбургского беглопоповского общества, а фактически — одним из старшин общества старообрядцев Сибирского края, объединявшего десятки тысяч человек. И хотя неудачные попытки договориться с правительством Николая I привели к тому, что в 1829 г. Яким Меркурьевич Рязанов и Фома Федотович Казанцев сложили с себя полномочия старшин, они продолжали оставаться влиятельнейшими фигурами в старообрядческом мире. Авторитет и связи Ф. Ф. Казанцева в существенной степени распространялись на его сына. Однако когда сам Гаврила Фомич после смерти отца прочно встал на ноги (с 1835 г. он постоянно объявлял капитал по 2-й гильдии, а с 1841 г. — по 1-й), из-за принадлежности к старообрядчеству путь к достойным должностям в самоуправлении Екатеринбурга оказался для него закрыт на долгие годы.

Гаврила Фомич, его младшие братья и прочие члены семьи перешли в единоверие последними из крупных екатеринбургских купцов — только в 1846 г. Впрочем, еще в 1840 г. Г. Ф. Казанцев «по приглашению» Я. М. Рязанова пожертвовал на устройство Иоанно-Златоустовского придела единоверческой церкви 1 500 рублей ассигнациями. Всего за несколько последующих лет он передал на устройство этой церкви 7 000 рублей серебром, жертвовал ей приобретенные им дорогие иконы и старопечатные книги. В 1845 г. Г. Ф. Казанцев вместе с Я. М. и А. Т. Рязановыми, Т. П. Зотовым и другими екатеринбургскими купцами-единоверцами участвовал в пожертвовании крупной суммы денег на сооружение новой серебряной раки для мощей святого праведного Симеона Верхотурского в тамошнем Николаевском монастыре.

Переход в единоверие позволил семейству Гаврилы Фомича получить в 1848 г. звание потомственных почетных граждан. А в 1850 г. Г. Ф. Казанцев сменил на посту городского головы Екатеринбург своего двоюродного дядю Анику Терентьевича Рязанова и состоял в этой должности до 1853 г. Вторично он стал головой в конце 1856 г., на сей раз после другого своего двоюродного дяди — Ивана Якимовича Рязанова и возглавлял городское самоуправление до 1860 г.

Присоединившись к единоверию, верхушка екатеринбургского купечества сохранила контроль не только над городским самоуправлением, но и, пусть в существенно уменьшенных масштабах, над религиозной организацией. Сам факт присоединения купцы рассматривали в качестве осуществленного на «особых условиях», близких к варианту, предлагавшемуся ими через главного начальника уральских заводов В. А. Глинка в 1837 г. И светские, и духовные власти на практике смирились с подобным положением.

Почти все годы пребывания Гаврилы Фомича на посту городского головы пришлись на период, когда Екатеринбург был подчинен исключительной власти горного начальства. Еще в 1848 г. главный начальник горных заводов Уральского хребта В. А. Глинка добился принятия мнения Государственного совета, подтверждавшего право главного начальника единолично, без участия губернских властей, утверждать лиц, избранных на должности по городскому самоуправлению. Однако хозяйство, благоустройство и прочее в Екатеринбурге как горном и одновременно уездном городе оставались под наблюдением начальника Екатеринбургских заводов и пермской губернской администрации. Поэтому в конце 1850 г. В. А. Глинка возбудил пред министром финансов вопрос о подчинении города исключительной власти горного начальства.

Генерал В. А. Глинка обосновывал это тем, что Екатеринбург является резиденцией главного начальника заводов и местом сосредоточения уральской горной администрации, почему требует «усиленной охраны». С другой стороны, «зависимость от двух начальств» приводит к тому, что «городская дума уклоняется от всяких предприятий», что, по мнению В. А. Глинки, в многом обуславливает непростое финансовое положение города и неудовлетворительное состояние его благоустройства. Ходатайство главного начальника заводов было поддержано министрами фи-

нансов и внутренних дел, и 19 ноября 1851 г. император утвердил решение Госсовета о подчинении Екатеринбургa исключительной власти горной администрации. Реально в этот статус город вступил с начала 1852 г.

Теперь главный начальник утверждал даты избирательных собраний по городскому самоуправлению, устанавливал количество и номенклатуру выборных лиц, осуществлял наблюдение за процедурой и утверждал избранных на городские должности. Смета доходов и расходов Екатеринбургa после рассмотрения начальником Екатеринбургских горных заводов подлежала утверждению Уральским горным правлением, а главный начальник заводов осуществлял надзор за исполнением сметы. Исчезла возможность лавирования городского самоуправления между губернскими и горными властями, что в прошлом не раз позволяло екатеринбуржцам уклоняться от выполнения непопулярных распоряжений и отстаивать интересы города.

При всем желании региональных горных властей добиться резкого улучшения финансового положения Екатеринбургa, их возможности были ограничены исключительной централизацией управления империей при Николае I. Вот всего лишь два примера. В мае 1852 г. по предложению В. А. Глинки создана комиссия для рассмотрения городских доходов и расходов в составе берг-инспектора Уральского горного правления, екатеринбургского полицмейстера и городского головы Г. Ф. Казанцева. Помимо официальных членов в заседаниях принимали участие представители городских сословий. Комиссия представила предложения о введении в Екатеринбургe некоторых новых сборов: с земель, отводившихся частным лицам в черте города под застройку и на городском выгоне под заводы и фабрики; с временно въезжавших иногородних купцов, мещан, крестьян; с непринадлежавших к городскому обществу приказчиков 1-го и 2-го классов; с промышленных заведений в жилых домах; с извозчиков и артистов. В. А. Глинка в конце 1853 г. отправил эти предложения министру финансов. И только спустя без малого четыре года, в ноябре 1857 г., уже новый главный начальник заводов Ф. И. Фелькнер сообщил городской думе, во главе которой снова находился Г. Ф. Казанцев, что правительство не возражает ввести указанные сборы. Общая их сумма составила добавку в городской бюджет в несколько сот рублей. Вопрос о выделении средств горного ведомства на ремонт Алек-

сандровского моста через Исеть (на современной ул. Декабристов) в условиях значительной бюрократизации также решался четыре года — с 1850-го по 1854-й, хотя именно этот вопрос выступил в качестве одного из аргументов в пользу подчинения Екатеринбургскому горному начальству. Список подобных примеров легко продолжить.

Одновременно горная администрация, при кажущемся всевластии, была вынуждена учитывать интересы местной торгово-промышленной верхушки. В Екатеринбурге и при исключительной власти горного начальства игнорировалось требование правительства о прекращении практики устранения от выборов по городскому самоуправлению мещан и цеховых. На этом нарушении акцентировал внимание Государственный совет, принимая решение о предоставлении главному начальнику права единоличного утверждения лиц, избранных на городские должности. Объяснялось это не «демократизмом» центральных властей, а их подозрительным отношением к екатеринбургскому купечеству — теперь единоверческому, а в недалеком прошлом — старообрядческому. Среди мещан и цеховых православных было большинство. Выборы «по-екатеринбургски» продолжались и в 1850-е гг.: на ключевые должности в городском самоуправлении избирали и избирались только купцы¹.

В связи с наличием статуса *горного города* и, особенно, с подчинением исключительной власти горного начальства в литературе наличествуют представления о Екатеринбурге как своеобразном «заповеднике» феодально-крепостнических порядков. Реальность далеко отстояла от этих стереотипов. В последние десятилетия перед отменой крепостного права Екатеринбург был крупнейшим и одним из наиболее быстро растущих городов Урала как в отношении численности населения, так и по показателям промышленного и торгового развития. За второе тридцатилетие XIX в. численность населения Екатеринбурга выросла в 1,7 раза (Перми — в 1,4 раза) и достигла в 1860 г. примерно 20 тысяч человек.

Добрая половина этого прироста приходилась на три последних года, когда во главе городской думы стоял Г. Ф. Казанцев. С 1850 по 1860 гг. объемы производства негорнозаводской промышленности Екатеринбурга выросли в стоимостном выражении в три раза и составили 1,6 миллиона рублей. По количеству купцов (162 чел.), особенно первых двух гильдий (41 чел.), Екате-

ринбург также намного превосходил прочие уральские города. Общий годовой оборот экономики Екатеринбурга в конце 1850-х гг. без казенной горнозаводской промышленности и хлеботорговли, но с учетом частнопредпринимательской золотопромышленности составлял 8 миллионов рублей. Ясно, что для подобного развития в Екатеринбурге наличествовали необходимые условия и, говоря современным языком, соответствующая инфраструктура.

Живое внимание Г.Ф. Казанцев проявлял к событиям общественной жизни, казалось бы, далеким от непосредственных интересов екатеринбургской буржуазии. Так, в начале 50-х гг. XIX в. он интересовался сен-симонизмом.

Екатеринбургский купец и бывший городской голова Гавриил Фомич Казанцев скончался в 1874 г.

В. И. Байдин

¹ Забавно читать, как в 1853 г. Г.Ф. Казанцев разбирал случай пьяной ссоры между священником и дьяконом единоверческой церкви на Кыштымском заводе, ведь прерогатива суда за подобные проступки принадлежала епархиальному начальству, а отнюдь не городскому голове.

² Так было, например, при избрании Г. Ф. Казанцева городским головой на второй срок в 1856 г. Генерал В. А. Глинка результаты этих выборов мгновенно утвердил.